

Сергей Калмыков

«Что наша милая Одесса?»

Этот вопрос я постоянно встречал в письмах нашего земляка, писателя Сергея Александровича Бондарина, и его жены Генриетты Савельевны Адлер. Слышал его и при нечастых наших встречах, и в телефонных беседах. Давным-давно покинув Одессу, город своей молодости, они всегда интересовались его жизнью.

Первая наша встреча произошла больше полувека назад, и было это так.

Моя работа постоянно была связана с разъездами, и летом 1964 года я надолго оказался в Мариуполе, тогдашнем Жданове. В свободное время бродил по старым кварталам, сохранившим облик милой провинциальности, познакомился почти со всеми книжными лавками, выставочным залом, восхищался в сумерках грозным, каким-то вулканическим заревом над доменными печами, ходил даже в театр. И вот каким-то намеком, будто предвестием будущих событий, зазвучала откуда-то извне одесская нота. То нежданно-негаданно встретил институтскую однокурсницу, то набрел на Одесскую улицу и, наконец, (о, восторг!) в ротонде приморского ресторана компания лилипутов, отмечавшая конец гастролей, отплясывала «семь-сорок».

А спустя день-другой вдруг увидел на книжном лотке книгу с какой-то бледной обложкой: Сергей Бондарин, «Гроздь винограда». Это имя я, сознаюсь, не помнил, но книгу полистал-полистал – и уже на место положить не смог. Автор рассказывал о нашем городе, о встречах с Ильфом, Багрицким, Олешей, Бабелем, да и не только с ними.

Уже поэтому поздней осенью никак нельзя было пропустить литературные вечера на Пушкинской, 10, с участием

На Потемкинской лестнице

Бондарина и других приезжих писателей, Ольги Густавовны Олеши, Антонины Николаевны Пирожковой-Бабель и одесских литературоведов.

Первый вечер был посвящен Бабелю, и после всех выступлений мы окружили приезжих, принялись расспрашивать о том о сем, и Сергей Александрович Бондарин предложил продолжить встречу утром в своем гостиничном номере. Поясню, что «мы» означает меня с братом Юрой, а еще его сокурсников Жору Гергая и Борю Аксельбанта с их подружками. Назавтра в гостинице мы были представлены и Генриетте Савельевне. Первое впечатление – строгая, однако дружелюбная. Рассказ предстоит долгий, и далее я буду их называть СА и ГС. Было много говорено о книгах, о наших славных писателях-земляках. Вопросы задавали не только мы, но и СА.

День выдался солнечный, и в конце концов СА произнес: «А теперь мы купим семечек и пойдем гулять». Наш первый выход, в котором участвовал и Борис Бобович, состоялся в парк Шевченко. С этого и началось.

Ланжерон. 1964 г.

На втором вечере, посвященном уже Багрицкому, какой-то молодой неумеха взялся читать «Контрабандистов». Стихов не помнил. Не отрывая глаз от текста, умудрялся все-таки сбиваться. Стыдливо опустил четверостишие: «Чтоб звезды обрызгали грудь наживы: коньяк, чулки и презервативы...». Когда публика уже расходилась, пришлось отвести этого горемыку в уголок, чтобы по возможности тактично разъяснить, что он собой представляет. А внизу у выхода нас ждал СА со словами: *«Ну, ребята, как же так? Я-то надеялся, что мы дружно устроим ему кошачий концерт».*

Нашим встречам и прогулкам суждено было продолжаться не только в Одессе и не только этой осенью. СА через полгода приехал снова. Сейчас уже невозможно сказать, что и когда происходило, да это и неважно. Ходили то компанией, то вдвоем, причем неторопливо, в задумчиво-мечтательном темпе. Разговоры наши тоже были неспешными. Как-то на Маразлиевской СА начал:

- *Вот так в давние времена шли и мы, молодые поэты...*
- Но мы-то не поэты!
- *Нет, мы поэты.*
- Почему же наших книжек нет?
- *И у нас не было.*

Где мы бродили, что искали и у кого побывали?

Конечно, у моря – на Ланжероне, Малом Фонтане, Приморском бульваре, в парке Шевченко и вокруг него.

По адресам, где в разное время жили Эдуард и Лидия Багрицкие: в Новобазарном переулке, где на свет появился Севка, на улице Дальницкой, в Лермонтовском переулке.

Нашли дом «Коллектива поэтов» на ул. Петра Великого, № 33, дом «Коллектива художников» в самом начале Преображенской, помещение, где собирались «Потоки Октября» на Степовой. Улицы и дома за прошедшие десятилетия так изменили облик, что СА временами терялся в поисках. Пришлось обратиться за помощью к старому рабочему корреспонденту и потоковцу Алексею Борисову, жившему на Степовой, № 48. Он с готовностью к нам присоединился.

Были на заседании «Одессики» в Доме ученых, на встрече со старшекласниками в школе № 122 на Комсомольской. Там СА свое выступление начал с запомнившейся ему фразы Горького: «В аудитории я говорю плохо, позвольте мне прочитать вам то, что мною записано...». И перешел к отрывку из своего рассказа о Ване Золушкине.

Как-то участвовали в чаепитии в квартире наследников доктора Когана при психиатрической лечебнице на Слободке.

Устроили посиделки и у нас дома. СА был так восхищен, когда увидел и услышал старую шарманку «Ariston», что потом вспоминал ее в письмах: *«А поверьте, очень хотелось бы побродить с вами опять, покрутить шарманку, опрокинуть Красную Мэри»*. К слову, самого СА крепкие напитки не столь привлекали, как вкусное вино. Что было, то было...

На Пушкинской, № 8, одиноко жила немолодая женщина, которую СА помнил задорной девушкой-подростком Фанечкой, участницей нашумевших «Вечеров ничевоков» в одесском цирке. Окна ее комнаты выходили на улицу, а подоконники едва-едва возвышались над тротуаром. В отличие от степенной ГС, мы, все остальные, вошли через окно. Случайно ли? Думаю – нет, так как в поведении СА, а если хотите, и характере, благополучно сочетались сдержанность с какой-то детской непосредственностью.

В молодые годы подобная «несолидность», бывало, проявлялась в бесшабашных эскападах. Вот что припомнилось из признаков самого СА.

– В Москве мы с друзьями придумали «Общество по изучению окрестностей». Могли, допустим, принять вот какое решение: «Давайте сядем на трамвай № 8, сойдем на восьмой остановке и поищем, где бы выпить пива!». Поверьте, нам в подобных странствиях попадалось много интересного.

– Идем группой по Тверской – и тут кто-то предлагает: «Давайте будем дружно хромать на левую ногу и наблюдать за лицами встречных прохожих».

Не могло не восхищать его общение с малышами «на равных»:

– Меня зовут Сережа. А тебя как? – подавая руку крохотному мальчугану.

Свою книгу «Парус плаваний и воспоминаний» СА надписал для нас так: «Милым верным друзьям папе – Сереже, маме – Гале, и самой Нюшке, которая, несомненно, будет капитаном (без усов). – Здоровья! Удачливости! Любви!»

А нашей Нюшке в ту пору еще не исполнился даже год.

СА были присущи общительность и немногословность. Больше расспрашивал, чем рассказывал. Его ответы на наши вопросы были краткими, но емкими, окрашенными иронической ностальгией. Манера беседы походила на размышления вслух:

– Основа брака, устойчивой семьи – это все-таки истинная любовь. Когда на первое место выдвигают общность интересов, то мне представляются двое марксистов, читающих в постели сочинения Плеханова.

Странная вещь – Любовь Дмитриевна, обожаемая жена Александра Блока, была несчастна оттого, что он питал к ней высокие, почти молитвенные чувства. Для земных утех он имел любовниц.

Где же истина, где счастье, где вдохновение?

Хотел понять современные настроения молодых:

– Расскажите о вашей заветной мечте.

Ответы последовали разные, но СА был растроган вот этим:

– Совершить дальнейшее путешествие с теми, кого любишь.

Малый Фонтан. 1965 г.

В «Книге юности» СА так вспоминает одного из друзей по гимназии: *«В свои шестнадцать лет Боря был прекрасным поэтом»*. И немного дальше: *«Он гулял с поэтами, с ним были Юрий Олеша, Айя Адалис, Зика Шишова, а тот, с которым шел Боря, – первый среди них, – рапсод Эдуард Багрицкий»*.

Существовал ли среди одесской талантливой молодежи поэт Боря Петер, юное дарование с революционными наклонностями? СА кое-что прояснил. Фамилия поэта была не Петер, а Тепер, и отец его, действительно преуспевающий домовладелец, после воцарения большевиков эмигрировал со всей семьей, и судьба их навсегда осталась неизвестной. Настоящую, фамилию Бориса пришлось прозрачно скрыть, так сказать, «во избежание»...

Навсегда и бесследно исчез подающий надежды поэт, но сохранились два листка с машинописью его стихов. И как не привести один из них?

Мы чувствуем весну по Кузмину,
А зиму обязательно по Блоку,

Но круглый год любил, не зная срока,
Погод не зная, девушку одну.

Она зимой являлась из метели
В любую ночь, как только я усну, –
Совсем по Блоку, а на самом деле
Я и тогда любил по Кузмину.

В подобных походах и встречах ГС почти не участвовала и причину этому объяснила однажды в письме: *«Моя мать говорила, что в детстве я была невыносимой болтушкой. А вот потом стала довольно молчалива и малоконтактна, что не нравилось СА. Но я оправдываю себя тем, что Герцен говорил о своей жене, что она, как и всякая сложная натура, была малоконтактна. Уж не знаю, какая я есть. Такова уж, как есть».*

Провожая на поезд наших гостей, мы не предполагали, что эта дружба только завязалась, что теперь она навсегда, невзирая на расстояния, что впереди будут и письма, и встречи, и телефонные звонки...

Из письма СА: *«Думаю, знакомство с вашей «лигой» состоялось не случайно. Я уже говорил, что эта дружба радует меня. И мне не безразличны состояния моих молодых друзей».*

Добавлю, что я писал не только из Одессы, но и находясь в частых командировках, а Юра с Жорой – из Совгавани, места своей работы после института. СА, который смолodu был непоседой, теперь тоже много странствовал, будто наверстывая годы затворничества в заключении и ссылке. Писал очерки о своих впечатлениях от Канады, Швейцарии, Сибири, Дальнего Востока, Карелии.

Я любил получать письма и от ГС – чаще напечатанные на машинке, но временами и рукописные.

Когда удавалось, я звонил в Москву, и мы говорили о всяком: о жизни в Одессе, о различных занятиях, книгах, впечатлениях и встречах. СА регулярно расспрашивал, как дела у «Черноморца». Сам-то футболом занимался с юности, и, выступая однажды за 4-ю гимназию, сошелся в поединке с Юрием Олешей, форвардом команды ришельевцев. Произошло это на Французском бульваре, где потом выросли «Дома специалистов».

Когда родилась наша дочка, интересовался, как она подрастает и какие успехи делает. Впрочем, все это было скорее иллюзией общения, и остро хотелось встретиться, наговориться вволю.

– *Приезжайте, Серезжечка, –* звучал в телефоне голос ГС, – *мне много лет, и время уходит. Ведь там мы друг друга можем и не узнать.*

Не думаю, что мои впечатления от многочисленных наших встреч и бесед похожи на связанное повествование, скорее это некие зарисовки или наброски. Некоторые ситуации остались на моих фотографиях.

В теплый весенний день мы встретились с СА на Пролетарском бульваре, № 89, где я в то время работал. Портретный снимок в травах над морем оказался удачным и был использован для приглашения в Дом ученых. Понравился он и ГС. *«Спасибо! – написала она. – Нельзя было выбрать с большим вкусом фотографию для пригласительного билета, чем эта. Тут – весь Сергей Александрович».*

Сам СА частенько хотел фотографироваться в таких мгновенно узнаваемых местах, как Потемкинская лестница, фонтан на Соборной площади, памятники Пушкину и «Дюку» на бульваре, как пушка с фрегата «Тигр», как дом-музей Пушкина.

Считаю удачным портрет, сделанный на Соборной площади перед началом очень тогда успешного спектакля «Бег» в Русском театре. Генерала Хлудова отлично играл Борис Зайденберг. Потом выяснилось, что наши москвичи после первого акта ушли – для них было невыносимо громко. Дело в том, что эпизоды событий

С. В. С. Алексеевым-Поповым. 1965 г.

На Соборной площади. Май 1969 г.

перемежались фонограммой с церковными песнопениями и колокольным звоном из мощных динамиков.

А вот ГС ни за что не желала попадать в объектив. Это изредка случалось разве что в группе на прогулке. Но когда СА уже не было в живых, она неожиданно попросила ее сфотографировать. Была раскованной, спокойной, и я сделал несколько вполне удачных кадров безо всякой режиссуры. И даже сегодня, много лет спустя, считаю, что ГС именно такой и была, как на этих снимках. Однако в новый мой приезд произошло вот что. Опять мы толковали о прошлых годах, рассматривая фотографии.

ГС иногда давала пояснения: *«Вот это Бабель играет в шаряды... Здесь СА в Севастополе... Это меня снимал Ильф... На этой карточке, где мне 18-19 лет, я себя назвала еврейской невестой... А знаете, Сережечка, я вашими фотографиями недовольна».* Надо ли говорить, как я огорчился? Но что оказалось? ГС достала свой давний-предавний портрет в стиле ню. Были удачны и поза, и освещение, но главное – фотограф проявил необходимый такт. Расспрашивать я не стал ничего, а ГС лишь сказала: *«Как мне после этого могут нравиться сегодняшние карточки?».*

Дело было в Москве в теплый майский день 1967 года, когда к СА пришли двое незнакомых мне прежде людей – Борис Балтер и Бенедикт Сарнов. Мне бы следовало догадаться, что встреча эта может оказаться конфиденциальной, но я продолжал что-то листать у стола, а хозяин и гости вышли на балкон и беседовали там. СА попросил, конечно, сфотографировать

Генриетта Савельевна

их на память. Для меня это стало неожиданной радостью, особенно знакомство с Борисом Исааковичем и доброе, хоть и мимолетное с ним общение.

СА потом рассказал, что причиной этого визита стало письмо Солженицына к IV Съезду советских писателей, которое я тут же переснял.

Весной 1970 года СА был снова в Одессе. Кто знал, что этот приезд последний? Я его снимал в гостиничном номере с В.М. Гридиным, а на прогулке по Пушкинской и Приморскому бульвару с В.С. Алексеевым-Поповым. Фотографируясь с моей женой, СА приговаривал: «Сейчас птичка вылетит!». Потом написал на одной из карточек: «Не забывайте, милая, что птички бывают разные, – и все равно улыбайтесь».

Ему было свойственно не только указывать дату на фотографии, но и добавлять краткий лирический комментарий. Вот

Б. Сарнов, Б. Балтер, С. Бондарин

пример: «Ул. Чкалова 1 (Быв. Большая Арнаутская). А когда-то сюда «за ворота» с замиранием сердца выбежал мальчик Сережа. Одесса 1906-1964». На этом снимке СА стоит у дома своего детства.

Случалось, что СА приходилось менять мнение о человеке. Так однажды я от него услышал самые добрые отзывы об Ахто Леви, писателе с тюремным прошлым, авторе «Записок Серого Волка».

– Я вас непременно с ним познакомлю, когда приедете!

Но когда, оказавшись в Москве, я об этом напомнил, СА наморщил нос и махнул рукой.

СА после плавания на «Урицком» по дальневосточным морям написал одну из лучших повестей «Океан. Думы и чувства», полную мудрости и грусти. Случилось так, что сделанное в ней признание: «Длинное путешествие жизни все-таки идет к концу», – оказалось предвидением.

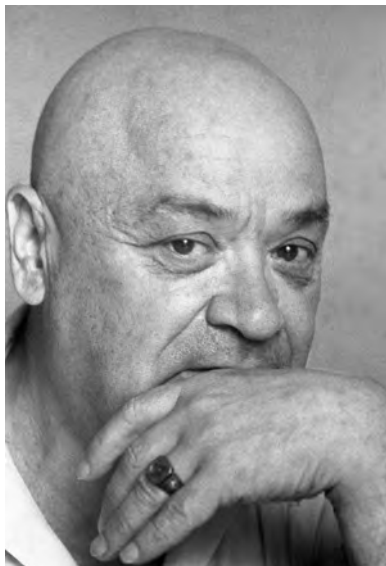
С В.М. Гридиным. Май 1970 г.

Летом 1972 года я оказался в Ленинграде на военных сборах при академии им. Можайского и там получил от ГС встревожившее меня письмо.

«Серг. Ал. уже 3 месяца в больнице. Скоро вернется домой. Но это не значит, что он вернулся к своему обычному состоянию. Депрессия – так называется эта такая долгая болезнь... Мы оба очень печальны и очень одиноки.

В Л-де живет старая наша подружка Людмила Влад. Руденко, бывш. чемпион мира по шахматам. Ее телефон 93-36-03. Обязательно пойдите к ней – очень интересный экземпляр. Там вас обласкают не хуже нашего. Бабка Генриетта».

К моей досаде, знакомства этого не получилось, у казарменного быта существуют свои правила и законы. По той же причине не состоялся визит и к Тае Лишиной, давней, еще одесской подруге СА. Удалось лишь позвонить и услышать ее густой голос, почти басового диапазона. Так как обратные билеты нам выписали групповые, «заскочить» в Москву в тот раз так и не удалось.

Дома. Осень 1969 г.

Только в следующем году посчастливилось навестить наших москвичей. СА открыл дверь, заулыбался, и через какой-то миг мы впервые молча обнялись и расцеловались. В передней бодро цокали швейцарские сувенирные часы-ходики с гирями. Но эта зарубежная новинка не была единственной. Каким-то загадочным образом СА исхитрился привезти интереснейший двухтомник Юрия Анненкова и маленькую пластинку с музыкой Мориса Жарра к фильму «Доктор Живаго». Мы включили радиолу, и возникла грустная и светлая мелодия, звучащая, однако, в неестественном ключе. Понятное дело – эта за-

рубежная запись на 45 оборотов проигрывалась на 33. Подходящей скорости в нашей тогдашней технике не оказалось.

Тем не менее эта невероятная, пусть искаженная, музыкальная тема годами тревожила мою память, пока не стала доступной в аранжировке Поля Мориа.

В 1974 году, в последнюю нашу встречу, СА был молчалив и печален до мрачности. На расспросы отвечал односложно, что-то вроде «да, был», «да, видел». И не более. Но все-таки я и тогда услышал: «*Мы будем фотографироваться?*».

Понятно, что последняя серия фотографий несет печать надлома и болезненности. А ГС не оставляли чувства тревоги и печали. Еще через два года СА писал: «*Что касается нас – все то же: живем – хлеб жуем. По-прежнему издательскими делами не занимаюсь – сложно, не по силам, а от своего поезда отстал.*».

В дальнейшем письма приходили только от ГС. *«Всегда, всегда сожалею, что мы живем не в одном городе. Как было бы хорошо!»*

Не могу вспомнить, от кого я узнал о смерти нашего старшего друга. Эта весть вызвала во мне какое-то душевное оцепенение. В Москву я не позвонил, не написал. Не нашел для ГС даже самых простых слов сочувствия. Просто было скверно. И тут пришла открытка:

«Милый друг Сережа! Судя по тому, что вы никак не отозвались, – очевидно, вы не знаете о моем несчастье.

25 сентября не стало Сергея Александровича. Вам наверно понятно, каково мне. Не забывайте же».

Ну, как это не знал? Невнятно попытался рассказать о своей реакции на кончину СА, и представьте, ГС меня поняла. Но мне не было дано в полной мере понять, каково теперь ей.

Из письма ГС: *«За эти два месяца одиночества я несколько не справилась с собой, и молодцом меня никак не назовешь. Мне очень плохо. Какая была счастливая мысль у Грина: «Они жили долго и умерли в один день». Мечта! Жизнь жестока и безжалостна».*

Эта безжалостность и жестокость стали проявляться и в прогрессирующей потере зрения. Окруженная книгами, страстно любившая чтение ГС осталась наедине с маленьким батарейным приемничком. Слушала музыку, передачи «Театр у микрофона», узнавала новости. В опустевшей квартире по памяти читала вслух стихи, чаще всего – любимого Заболоцкого.

Из письма ГС: *«Я вижу перед собой клавиатуру машинки, а что написано на листе, не вижу. Читать я уже совсем не могу. Чем занять себя? Вокруг пустота. Хозяйством я, конечно, не занимаюсь. Плохо. И гадко».*

Следующий эпизод относится к началу 1980-х. ГС сказала, что хочет меня рассмотреть. Вышли в переднюю, где был яркий настенный светильник. Там для меня было выбрано подходящее место и поворот головы, затем ГС, поглядев куда-то явно в сторону, сумела увидеть меня периферийным зрением.

Уход СА не оборвал мое общение с ним, просто оно стало иным, заочным, через рассказы ГС, через собранные им книги. Их обилие

и разнообразие меня издавна буквально завораживали, и я мечтал в них порыться.

Письмо ГС: *«Сергей Александрович не был ни коллекционером, ни библиофилом. Просто он приобретал книги, которые ему хотелось прочесть, или такие, какие он любил. И все это хозяйство никак не систематизировано. А что касается вашего желания покопаться во всем этом, то остановка только за вами. Вы всегда можете приехать прямо ко мне, и ройтесь, сколько вашей душе угодно. Но только вы. И никто другой».*

В подборе книг отразилась необъятная широта интересов СА. Помимо неохватного количества поэзии и прозы, томиков ЖЗЛ, было много альбомов и монографий по изобразительному искусству, книг по истории музыки и о композиторах, по военной и общей истории, даже по истории библиофильства.

Книги с готовностью, даже с радостью дарил, причем не только собственные выходящие сборники. Достаточно мне было прийти в восторг от альбома Чюрлениса, как СА обзвонил каких-то букинистов и разыскал для меня такой же.

Эта щедрость была свойственна и ГС. Мало того, что она сразу соглашалась на мои просьбы взять что-то из книг, но делала совершенно неожиданные подарки. Хочу привести два примера. Обсуждая книжные симпатии, я сказал, что меня в значительной степени воспитывали и формировали писатели англоязычных стран. Дальше беседа наша коснулась других тем, но, уже уходя, я неожиданно получил объемистый справочный том с очерками о литераторах французах.

– Вы непременно должны подружиться и с ними.

И еще. Вдруг вручает мне ГС «Житие протопопа Аввакума», хотя толковали мы на темы совершенно другие. Видимо, я выглядел очень удивленным, и услышал: *«Я просто хочу, чтобы эта книга была у вас».*

Обилие книг никак не позволяло даже бегло просматривать каждую. Приходилось знакомиться с ними выборочно, навскидку. Обнаружил и прочел много искренних и теплых авторских дарственных. Многолетний друг Виктор Шкловский делал совершенно нестандартные надписи:

«Дорогому Бондарину с любовью. Единственному одесситу без красной мебели и с сердцем, в котором есть кровь».

«Дорогому Сергею Бондарину в дни болезни и почти отчаяния».

«Дорогому другу Сергею Бондарину. Поживем еще и здорово попишем».

«Дорогим Бондариным. Книга увечная, но я ее еще допечатаю. Мы все сейчас печатаемся с изъянами и недоборами».

«Дорогому, любимому Сереже с 1000 пожеланий издавать толстые книги... Мы еще увидим небо в созданных нами звездах».

Немало нашлось книг от Мариетты Шагинян, соседки по писательскому дому, от Рувима Фраермана, очень давнего и надежного приятеля. Я невольно удивился, почему книжки Фраермана надписаны как будто бы разными людьми. То почерк четкий, можно сказать, изящный, и вдруг настолько корявый, что едва читаемый. Но не удивляться следовало, а печалиться, ибо ГС пояснила, что Рувим Исаевич последнюю надпись едва смог сделать после тяжелого инсульта. Кстати, она посетовала, что «одесскую даму» из нашего только создающегося Литературного музея почему-то не заинтересовали книги с автографами.

Еще я обнаружил, что СА было свойственно оставлять пометки в прочитанном тексте, а иногда и вкладывать в книги подходящие по теме вырезки.

Такой заочный диалог с Сомерсетом Моэмом состоялся у СА на страницах книги «Summing Up» («Подводя итоги», 1938), изданной у нас почти двадцать лет спустя. Под книжной обложкой странным образом встретились два писателя разных стран, разных судеб и разных мировоззрений.

Некоторые куски текста лишь подчеркнуты синим карандашом, и предполагаю, что СА обнаружил в них созвучие собственным мыслям и убеждениям. Приведу примеры.

* Я был наделен острой наблюдательностью, и мне казалось, что я вижу много такого, что ускользает от внимания других людей. Я умел ясно описать то, что видел.

* Перо порождает мысль.

* Хорошая проза немыслима без воспитанности.

* Юмор учит терпимости.

* Я знал, что страдание не облагораживает: оно портит человека. Под действием его люди становятся себялюбивыми, подленькими, мелочными, подозрительными. Они дают поглотить себя пустякам. Они приближаются не к богу, а к зверю.

* Из врожденного эгоизма мы судим о людях по той их стороне, которая повернута к нам...

* Он (гениальный художник) воспринимает жизнь необычайно остро и во всем ее бесконечном многообразии, но вместе с тем просто и здраво, как все люди.

* Мечты – не уход от действительности, а средство приблизиться к ней.

Интереснее (для меня, по крайней мере) те места, где СА высказывает (кому?) собственное мнение.

Там, где Моэм назвал любовь скверной шуткой природы, СА замечает на полях: *«Любовь – это состояние наибольшего сближения с природой – не «шутка», а самый «серьез».*

Где Моэм размышляет (или рассуждает) о природе таланта, в частности своего, СА приписывает: *«Гений – труден. Талант – доступней»,* – и цитирует Сервантеса: *«Пусть каждый оценит меня на свой лад – так, как того требует его душа».*

Где Моэм признается, что в писательской судьбе им всегда двигало стремление *«развить свою личность, чтобы восполнить недостаток врожденных способностей»*, СА сделал интересное признание: *«А чаще всего – цель – это достичь житейского удовлетворения, то есть удовлетворить тщеславие».*

И, наконец, в противовес скепсису Моэма, который видит основу религии в человеческой беспомощности перед природой, СА предлагает для этой основы более мажорное объяснение: *«Стремление соединиться с вселенной, стремление к признанию человека не случайностью, а желанным порождением».*

Для встреч и разговоров с ГС я завел блокнот с такими большими листами, которые бы позволяли делать в них заметки не глядя. При этом смотреть только на собеседницу, глаза в глаза. Это здорово помогало. Мне были не только нужны пояснения

к письмам СА (и я получил их многие десятки), но интересны и черточки его характера, отдельные моменты жизни.

Из рассказов ГС

«Было поздно, СА уже спал. И тут звонок в дверь. Открыв, я увидела голенькую девушку, которая сказала: «С праздником!» – и юркнула к соседям, где ее встретили воплями и хохотом. Так в квартире писателя Ардаматского развлекалась молодежь, и при игре в фанты барышне досталось оригинальное задание. Но это не всё. Узнав о происшествии, СА драматически изобразил жгучую обиду за то, что его ради такого случая не разбудили, и пообещал навеки это запомнить».

«Представьте такую картину: как это обычно бывало, СА диктует, а я сижу за машинкой, жду продолжение абзаца. Но он все ходит, посапывая, по комнате и молчит, молчит. Затем, наконец, останавливается и произносит: «Здесь запятая...».

«СА знал, конечно, что он писатель второго эшелона, но так ответственно относился к своему труду, что его тексты почти не требовали правки. Это я от опытных редакторов слышала. Зато оригинальные замечания были от цензоров. Одно из них состояло в том, что автор, описывая военные действия под Новороссийском, не упомянул выдающуюся роль комиссара Брежнева».

На стеллаже в передней я увидел туго связанные объемистые пакеты, и ГС пояснила:

– Это подстрочники «творений» Алима Кешокова. Вы и представить не можете, что это было. Но СА из этого ужаса сделал чистую и светлую прозу. А что делать? Это был верный заработок, 25% гонорара от издательства.

Ровесниц у ГС не осталось... К превеликой радости, не забывали более молодые «подружки».

Из письма:

«Мне не так просто писать, да, по правде сказать, мне писать просто не о чем. Я скоро разучусь разговаривать, не то что писать.

Лия Дмитриевна моя уехала на три месяца в командировку, так что мои тары-бары с ней тоже пока отпали. Раз в неделю прибегает

Дома. 1973 г.

Эмма – это для меня уже праздник. А так – сижу и молчу, чего-то думаю и время от времени произношу вслух: «Не знаю». Вот и оказывается, что под конец жизни все, о чем можешь спросить себя, не находит ответа».

Хочу пояснить, о ком здесь речь. У меня был на всякий случай телефон Лии Дмитриевны Гладышевой, но встретиться с нею довелось лишь однажды. Это была милая женщина средних лет, которая жила в доме напротив, контролируя вечерами, горит ли у ГС свет. Регулярно звонила, охотно приходила (поэтому и упомянуты «тары-бары»), с готовностью выполняла различные бытовые просьбы. Работа ее была связана с разъездами.

Фамилия Эммы – Соломатина. Жила на проспекте Мира. Дружба с четой Бондарин-Адлер сложилась у нее с юных лет. СА, любивший визиты молодежи, ее называл Аэлита, и, мне кажется, имя это ей подходило. Эмма заботилась о ГС, обеспечивала ее продуктами, справлялась о самочувствии, вызывала врача, навещала в больнице, и ей была впоследствии завещана квартира со всем

содержимым, включая, конечно, книги. От Эммы узнал я и о последних днях жизни ГС, и о ее похоронах.

Со счастливой оказией я получил от ГС несколько папок. В некоторых были вырезки, самиздатовские странички (Е. Шварц, О. Мандельштам, Н. Коржавин, Б. Чичибабин, З. Гиппиус, Н. Гумилев, В. Комаровский, Е. Евтушенко), тетрадка с различными записями ГС. Основная же папка, названная «Бедные люди», содержала копии писем СА из заключения и ссылки. Ситуация, в которой он ни за что ни про что оказался, была настолько тяжелой, что лишь жена могла стать единственной надеждой на спасение. И она стала, стала опорой, чудом разыскивая, добывая и отсылая спасительные продукты, лекарства, витамины, другие необходимые вещи. Ценою усилий, которые невозможно себе даже представить. Ценою полного самоотречения. Ценою труда, для ее зрения губительного.

Примерно такую оценку подвижничества ГС я ей высказал, когда прочел лагерные письма. Помнится, заметил, что из этих писем не всегда видишь, каково было ей. Реакция была быстрой.

Из письма ГС:

«Посылая вам папку с письмами, которые я много лет не перечитывала, я не помнила о разных там бакалейных подробностях. А были они для меня, как горячие угли, как бесконечная боль неповинного человека. Акцент же, вами сделанный, оставил у меня чувство, будто я выпендриваюсь в своих заслугах и тем самым предаю СА. Может быть, это произошло оттого, что не было там моих писем, которые СА сохранил от первого, еще в холостые годы, до последних своих поездок на Дальний Восток в конце 70-го года. Но их я давно уничтожила. А вопросы, вопросы? Книга жизни уже прочитана, остается только закрыть обложку. Человек сложен и сам иногда не может себе ответить – почему сделал так, почему не сказал так, зачем и для чего многие переплетения не совместимы. И мы не будем больше возвращаться к этому. Ладно? Я только прошу вас папку эту, если хотите, храните, но не показывайте ее посторонним людям. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется. И нам сочувствие дается, как нам дается благодать».

А Сергей Александрович был очень незаурядный человек, но житейски мало приспособленный. Одна духовность».

Слава Богу, со временем удалось получить согласие ГС на обнародование выдержек из гулаговских писем. Более того, мою публикацию она похвалила, и с той поры табу было снято.

СА был религиозен, впрочем, явно этого не декларируя. Он считал своим небесным покровителем Сергия Радонежского, искренне его чтил, упоминал в лагерных письмах, и я, видя на книжной полке иконку с этим святым, поинтересовался у ГС, не создавало ли неловкости то, что она еврейка, а муж придерживался канонов православия.

– Нет, конечно. Бог ведь единственный, только представление у людей о нем разное.

Но религиозность СА не мешала ему быть в чем-то суеверным. Он носил в паспорте семерку бубен, веря, что эта карта приводит к счастливым встречам и вообще к успехам. Считал своим надежным талисманом перстень из белого металла с накладной фигуркой лягушки на фоне гравированного лотоса. У перстня этого сложилась своя судьба. В давние времена СА однажды его уронил на пляже, очень расстроился и не успокоился, пока не нашел. Когда при аресте его увозили из дома, лягушка отпаялась и соскочила на пол. Когда в прокуратуре на Чистых Прудах выкрикнули фамилию: «Бондарин!» – перстень вдруг лопнул, но арестанту удалось подобрать его половинки... Мне было интересно держать и рассматривать этот совершенно изношенный перстень с такой богатой биографией.

СА был невысок, и это его смущало. На неудачную реплику одной дамы: «А вы такой маленький!» – сдержанно ответил: «Ну, какой уж есть...». Она же решила продолжить общение, спросив: «У вас есть дети?». И тут СА хмуро произнес странную фразу: «Мой сын погиб на войне», – возможно, подразумевая, что проклятая война именно так исковеркала все планы и надежды.

ГС с удовольствием сообщила:

– На мое 90-летие одно из одесских поздравлений начиналось словами «Дорогая Генриетточка!». Значит, не все еще потеряно.

Мы поехали с ГС на Старое Донское кладбище, где похоронены ее родители. На том же крошечном участке пристроено и невысокое надгробие из розоватого гранита над урной СА. Я спросил:

– Кто был ваш отец?

– *Аврэй...* – ответила, чуть пожав плечами, и через короткую паузу продолжила: – *Не бухгалтер даже, а был кем-то помельче, вроде счетовода.*

Слышал я однажды магнитофонную запись с интервью, а может быть, беседой СА. Один из интереснейших моментов я (по памяти) приведу: «*У нас, писателей, часто существуют некие литературные маяки, ориентиры. Как думаете, кто оказал влияние на меня? Кнут Гамсун!*».

В одной из прогулок на Ланжерон участвовали ГС, Борис Бобович и Александр Шпирт – тихий и седенький.

– *Саша, почитай стихи,* – предложил ему СА. Они были не только ровесниками и земляками, но и приятелями.

Представьте, через много лет я встретил и узнал эти стихи:

Вечернее море

Сергею Бондарину

Море пламенем объято.
Уплывает день, горя.
Я на лодке озаренной,
с весел капает заря...
Вот и день уплыл куда-то,
тьма окутала меня,
Но вдали какой-то парус
все несет остаток дня.

Однажды я задумался – что бы смогло напомнить ГС в ее грустном одиночестве нашу Одессу, город ее счастливой юности? Возможно, запах моря, почему бы нет? И я прихватил в Москву пакет влажных водорослей с Большого Фонтана.

Когда не стало Сергея Александровича, жена его сумела и смогла позаботиться об издании большого, на 590 страниц, тома «На берегах и в море». А надписывала мне эту книгу фактически на ощупь... Я думаю о Генриетте Савельевне не только с благодарностью и любовью, но и с пронзительной горечью. Сколько лет одиночества было ей уготовано? Годы, когда СА был на войне, затем двенадцать черных лет, когда муж был в ГУЛАГе, и около двадцати лет вдовства.

Я любил этих чудных людей, и они живы в моей благодарной памяти.

